

Елена Сосна

Свечная лавка

Свечная лавка

Часть 1. Встреча в свечной лавке

Однажды, зимним вечером, я возвращалась домой одна. Шла по заснеженной улице, всматривалась в белые своды домов, дома, все как один, накинули большие снежные шапки, а снег все падал и падал, огромными пушистыми снежинками спускался в мои ладошки. Я улыбнулась — просто сказка.

Мое внимание привлекла новая вывеска — Свечная лавка. Здесь никогда не было свечной лавки. Аптеки, магазины, а тут свечная лавка. Кому нужны свечи в наше время в таком количестве? Повинуясь любопытству, я поднялась по трем заснеженным ступеням и приоткрыла дверь.

Теплый мягкий свет залил порожек, где-то там, вверху, дрогнул колокольчик, и я увидела пожилого мужчину в шляпе, который оторвал взгляд от книги и улыбнулся:

— Ну, наконец-то, посетитель, вы к нам? За свечами? Проходите, проходите.

Я все еще в нерешительности стояла у порога,

но взгляд уже скользил по деревянным полкам. Здесь все было сделано из дерева, а по деревянным полкам стояли свечи. Множество свечей, самых различных форм и размеров, на аккуратных подсвечниках или завернутых в подарочную упаковку, прозрачные и цветные.

— Вы у нас впервые? Что желаете?

— Да, я впервые зашла, увидела новую вывеску и зашла. Я посмотрю...

— Да, конечно, у нас все долго смотрят, прежде чем... — улыбнулся мужчина одним краешком губ и вновь принялся за книгу.

Я бродила по лавке, брала в руки свечи, и представляла какой аромат, какой свет подарит эта свеча моему дому, когда разгорится. Мне было приятно брать их в руки и гладить, гладить по восковым спинам. Я и не заметила, как оказалась в самом дальнем уголке лавки, где стояли особо крупные свечи, у них уже не было праздничных упаковок, за то появились названия, самые необычные — Ван Гог, Моне, Гоген. А на этой полке — Чайковский и Рерих, я крутила головой и удивлялась еще больше — Есенин, Высоцкий, Бах. Кому в голову пришла идея называть свечи именами великих, ни тебе «Вечер для двоих», ни «Грезы при луне»?

Рука потянулась, и я взяла с полки свечу Ван Гог, она была не правильной, точнее

асимметричной формы, достаточно тяжелая по весу и окрашена в яркие цвета, напоминающие звезды. Я вспомнила звездную ночь Ван Гога, и в моем воображении полетели, поплыли звезды, и вдруг я увидела, что та же картина появилась на большом холсте, натянутом между деревянными полками. О, я точно помню, что он был чистым, белым, когда я проходила мимо, а теперь на нем звезды Ван Гога. Та же картина, что и у меня в голове? Я удивилась, и решила поиграть с воображением. Я вспомнила Ван Гоговские подсолнухи, подумала о них максимально точно, как могла... повернула голову и была сражена — звезды перетекали, желтый цвет смешивался с черным, и появились — знаменитые подсолнухи. Хорошо, это слишком стандартно — звезды, подсолнухи. Возьмем что-то более редкое — последнюю картину Ван Гога «Вороны и пшеничное поле», о ней редко кто думает. Я представила три дороги, расходящиеся в пшеничном поле, и кружащихся воронов. Когда на холсте появились дороги и вороны, я чуть не выронила свечу и быстро повернулась к хозяину лавки.

— Как такое может быть? — только и смогла я спросить почти шепотом.

— Нравится? Мое творение, правда, еще в процессе доработки, с музыкой еще не очень, и с картинками, иногда пугается мой «Шедевр-1М».

— И вы знаете как это работает? И можете мне объяснить, чтобы я поняла?

— Ну, в общих чертах, да, — поправил очки пожилой мужчина, и глаза его заиграли веселыми огоньками, — вообще, все просто.

В каждой свече есть чип, на котором записаны все творения этого великого художника или композитора, человеческого тепла руки достаточно, чтобы он активировался. Когда у человека в голове рождается картина, близкая, ассоциативная с одним из творений, они резонируют и... внимание — на холсте появляется картинка, просто шедевр! Это, если кратко, без технических подробностей.

— Там на холсте появилась картина из моей головы? Так, как я помню, как я воспринимаю этого художника? Или картина из каталога великого мастера.

— Пока я остановился на картинках из каталога. Это слишком сложно, как звучит у вас в голове эта музыка сегодня, достаточно ли ярки подсолнухи Ван Гога среди нашей суровой зимы. Пусть это останется в вашем мире, я гуманист, я не в праве выносить это на полотно, на обозрение, даже если в свечной лавке мы совершенно одни.

— А почему тогда свечи? Почему не репродукции, книги или ноты? Не жалко, ведь они сгорают?

— А что, по вашему мнению, есть творчество?

Горение! Здесь невозможно постоять у холста с краешка и тихонько поводить кисточкой. Творчество — это даже не искусство передачи реальности, как бы мастерски это не делалось, это создание совершенно нового мира словом, цветом, звуком. И все творцы — горят, они пропускают через себя поток вдохновения и создают новое. И если это новое — по-настоящему талантливо, оно захватывает сердца и умы людей, человек об этом думает, рождается энергия, огромная энергии — может быть это и нужно нашей планете? Даже из остатков, островков энергии, можно сделать свечи для всех свечных лавок. Вы же не хотели бы, чтобы у меня по полкам стояли шкатулки с прахом великих, а внутри жемчужины их творений?

— Пусть лучше Свечи. Они продаются? Кстати, я нигде не видела цен.

Я в руке продолжала сжимать свечу Ван Гога, и у меня появилось желание принести ее домой.

— Это не продажа, это больше похоже на обмен. Вы выбираете свечу, которая вам по душе, а в обмен — творите! Вы отдаете миру тепло своих творений, она горит. Вы спите, спит ваша душа — свечу невозможно зажечь, хоть целую коробку спичек изводи. Берите — она ваша!

Я бережно завернула свечу и положила ее в свой городской рюкзак:

— Спасибо! У меня есть еще сотня вопросов:

Что делать если не пишется? Если закончились цвета и краски там, внутри? Можно ли брать усилием воли стены крепости творчества?...

Дрогнул колокольчик, и на пороге появилась невысокая молоденькая девушка в вязанной шапочке и рюкзаком на плече.

— Я вижу, у вас много вопросов, может поговорим об этом в следующий раз, — улыбнулся хозяин свечной лавки, — домой, домой, зажигайте свечу и Творите!

Я вышла на улицу, летел снежок, а на душе было необычайно тепло, может, потому что в моем рюкзаке лежала свеча... и я точно знала, что она сегодня будет гореть.

Часть 2. Неоконченная книга

Я пришла домой, быстро поужинала, бережно достала свечу. Сейчас, сейчас я ее зажгу и попробую продолжить писать историю, мою забытую книгу.

Рукопись уже слегка пожелтела, листы замялись, давно эти буквы не дышали светом. Я развернула листы, погладила их рукой и шепнула бумаге, что пришло время творить.

Моя рука по привычке потянулась за коробкой спичек, я зажгла одну спичку и поднесла ее к свече. Свеча не хотела гореть. Звезды, казалось

с удивлением, повернули свои головы и посмотрели на чистые листы — ты забыла? Ты забыла, что мы не загораемся от спичек? Ладно, хорошо, я погладила листы рукописи. Я люблю рукописи — колыбель, в которой рождается, растет слово. Ладно, попробуем по-другому.

Я стала перечитывать историю с самого начала, не потому что давно не бралась за книгу и подзабыла о чем она, нет, мне было важно всколыхнуть тонкую музыку сфер, почувствовать сам ритм, само течение, а потом уже записывать историю, записывать слова, которые рождаются под пером моей руки...

Они стояли на горе и смотрели вниз, в долину, на темноту, наползающую с двух сторон. С этой темнотой шли силы, готовые все растоптать на своем пути, будь то воин Света или душистые цветы, травы у его ног. Травы обнимали воинов, касались их колен, колыхались в такт ветру и шумели, шумели...

Двое взяли за руки:

— Тебе страшно?

— Мне сложно об этом говорить, какое-то странное спокойствие появилось во мне, самое главное, что ты — рядом. Я хочу успеть сказать тебе, мы никогда об этом не говорили, почему я оказался здесь. Когда

пришло время выбирать, я ушел на войну, не ради идеи, власти или денег, для меня они мало значат. Я ушел на войну, чтобы быть рядом с тобой, чтобы прикрывать тебя щитом, я бы себе никогда не простил, если бы смерть пришла к тебе первой.

— Ты не веришь в наши идеи?

— Верю, конечно, верю, но идеи владеют только частью меня, а любовь владеет мною от кончиков пальцев, до самых глубин моего сердца. Знаешь, мне иногда кажется, что она даже больше меня, она устремляется на все, что есть вокруг, на эти деревья, травы, на эти горы и тянется вон до той звезды. Во мне словно горит свеча, свеча... и она больше, чем мой меч!

Я опустила руку и подняла взгляд на витой подсвечник, на котором стояла свеча Ван Гога, я была поражена... Она загорелась! Сама! Ровный желтый свет образовал островок, он был еще мал, но четко виден в темноте, и он рос, рос, рос...

Темнота подступила, сжала гору тугим кольцом, битва была неизбежна...

— Ты всегда так спокоен перед битвой?

— Это состояние трудно описать словами, что-то в тебе перетекает, сжимается, растет, это, как едва уловимый

запах трав, какой он?

— Душистый, пряный... Ты боишься смерти?

— Смерть с запахом пряной травы... Мы же с тобой встретимся, там, под звездами, зачем же бояться встречи? И вернемся вновь — давай на эту же землю, я буду тебя ждать, хоть сотню лет... До...

— ДО!

Я люблю тебя тихо — До!

До отмерянной жизнью точки,
До пугающей глубины,
До сжимающей вены строчки...

До обеда — по пять минут
И сквозь ночи — сплошной рекою, —
До — когда уж совсем не ждут,
А снова стою пред тобою.

Я люблю тебя тихо — До!

Нотой первой и нет предела,
И прощаясь, всегда есть дело:
Прошептать звездам тихо: ДО...

Я сидела и смотрела на ровные строки стихотворения, которые только что пришли без единой правки, и пыталась осознать, как это

происходит. Вывод был прост — я ничего не сочиняю, я просто записываю... Я сейчас чувствую, как вся моя книга превращается в клубок, но не клуб нитей, а поток мыслей. Широкий и плоский в одних местах, он растекается и предлагает множество вариантов и сюжетов, и вдруг сжимается в одну тонкую ребристую нить. И выход только один — пройти эту узость. Почему так? Почему герои должны оказаться именно в этой точке, именно в этом месте. Большой клуб катился на меня словно вал, и я понимала, что я и сама должна пройти по этому ребристому мосту, прежде чем проведу по нему моих героев.

Что будет дальше? Что будет дальше?

Свет свечи пульсировал, словно толкал кровь по невидимым венам, иногда подрагивал, но горел, горел, горел...

Я верю — они встретятся, на Земле, вновь...

— Они вновь отправились на Землю? Все? — голос звучал где-то высоко в тонких сферах и был мало похож на человеческий.

— Да, они так долго этого ждали, они хотели вновь встретиться там, на Земле!

— Ты помнишь, что на Земле у души есть плотное тело?

— Да, я думаю, они получают прекрасные тела, тела воинов.

— У них такие тонкие, чувственные

души, зачем им тела воинов?

— Разве у воинов не может быть тонкой души?

— Да, еще на Земле у тела остался пол. Ты помнишь, что у них должен быть разный пол? Иначе, как они встретятся?

— Пол? Я совсем этому не придавал значения. Не уж то на Земле до сих пор смотрят на пол, чтобы встретиться?

— Как же они узнают друг друга? А так притяжение полов...

— Притяжение происходит от света души человеческой, от того, как они смотрят на мир, что чувствуют, как они любят, насколько огненно, страстно, дерзко они готовы идти за своими чувствами и порывами. Насколько они, вообще, готовы потерять себя, чтобы обрести весь мир. Я думал, это притягивает людей. А еще, они могут узнать друг друга по блеску глаз. Этот особенный свет возникает только тогда, когда встречаются родственные души. Ты же знаешь? Или на Земле, что-то изменилось за последнюю сотню лет?

— Интернет... у них появился интернет!

— И что, люди перестали смотреть в глаза друг другу?

— Да, многие перестали... Приходится грузить интернет так, чтобы

люди встречались с важным, якобы случайно, словно гуляя по улице. Многие открыты в своем поиске в интернете и очень закрыты, одиноки в реальной жизни...

— Интернет там, или не интернет... Я верю, они встретятся!

Я устала... Я отложила перо и бумагу, мне было тяжело брать слова и нести их, раскладывать ровными рядами, связывать и переплестать нить повествования.

Я посмотрела на свечу. Огонь играл, танцевал неведомый танец, и дарил мне свет. Свет проникал глубоко, глубоко, туда, где живут усталость и сомнения, согревал тонкие своды души и шептал: Пиши! Слушай этот тонкий мир — и пиши!

Я выдохнула усталость и почувствовала, что я древний-древний житель этой планеты. Я почувствовала, как сквозь меня бегут, стекают, словно ровные потоки дождя, строки... строки стихов.

Я давно проживаю здесь —
Древним — древнее, тонким — тонко.
Книжный запах вдыхаю — ух, смесь,
Чуть продрогшим сердцем ребенка...

Поброжу по страницам — то в лес,

То ли к звездам далеким Вселенной,
Что имеет значение, вес,
В жизни явится — непременно...

Сильным — сила прольется в ладонь.
Мудрым — мудрость, и вырастут думы,
А душа тетива, словом тронь —
Всколыхнуться глубинные струны...

И по тоненьким ниточкам — свет
Сквозь тебя, вдруг на Землю польется,
Когда ищешь ты в мире ответ —
В книгах, мудрость меж строк
 подается...

Ты давно на Земле, не грусти —
Чуть поменяны роли и лица,
Нам другого не выбрать пути —
Как Любовью расширить границы...

Я дописала стих, выдохнула и вновь вдохнула,
я могла дышать уже в спокойном ритме, а не в
ритме пульсирующих слов, рождающихся во мне...
И когда они не могли родиться, замыкаясь во мне,
я, словно, не могла вдохнуть, вдохнуть воздух.

Я посмотрела на свечу.

Она горела, горела, горела...

Людское море волновалось неистово и бурно. Оно то накатывало вперед, поглощая собой горы покрывок и мешков со снегом, то отступало назад, возвращаясь к прежним границам. Везде горели костры. Огромная энергия людской силы висела над майданом, и от этого становилось страшно.

— Тебе не страшно? — спросил врач, протирая усталое, залитое потом, кровью и гарью лицо бойца...

— Сьогодні зовсім не страшно, бо сьогодні буде справжня битва, і ми переможемо, — улыбнулся усталый боец и посмотрел прямо в глаза, нет, он смотрел прямо в сердце, и странный мягкий свет проник в самые потайные уголки души.

У бойца на спине был рюкзачок, в руках щит, а из-под каски выбивалась белая пушистая косичка... Они встретились...

Я подняла голову и посмотрела на свечу. Она сгорела, сгорела вся. Легкий дымок еще висел над подсвечником, но я даже не заметила, когда это произошло.

На сегодня все. Я бережно свернула рукопись и отправилась спать. Завтра будет день, другой, третий... и я все, непременно, допишу. Мои герои останутся живы, они поймут, что встретились не случайно, что живут на этой земле уже сотню лет,

потому что умеют Любить.

Случалось ли вам встретить родную душу?
Стоять на земле, смотреть в глаза, и чувствовать —
ты летишь! Вы знакомы тысячу лет, и нет слов, и
некуда больше спешить...

Мы так много знаем друг о друге... И можно
просто обнять за плечи — и обнять весь мир!
Может, это самые важные в жизни встречи!

Мне случалось обнимать Миры...

Обниму. И прикоснусь к Вселенной,
Но об этом хочется молчать,
Возводя в любовь все переменные,
Будет сердце опыт получать.

Будет плакать, и сбегать рекою,
Жечь костры и всматриваться вдаль,
И крутить усталую рукою
Веретенко судеб — Прочь печаль!

Прочь туман, съедающий надежду,
Прочь гордыня — колышки внутри,
Я снимаю маски, как одежду —
Дан огонь, тогда — Гори! Гори!

Пусть сгорю за час иль за неделю,
Пусть не дотяну до мирных снов,